

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Петр ГУЙВАН,

кандидат юридических наук,
заслуженный юрист Украины

Summary

The author of article has accomplished research of legal nature and legal adequacy of interpretive rule concerning court application of statute of limitations only by disputing party's complaint to actual material relations. The author provides critical conceptual points of view regarding effectiveness of this legal mechanism and its compliance with general civil principles of absolutism of subjective material law's content, in particular, its temporal measuring. The author believes that in regard to apparent presence of a number of problems of legal enforcement nature, this legislative novel should be classified as such, which does not correspond nature of mediating relations.

Key words: statute of limitations, court application of statute of limitations, running of statute of limitations.

Аннотация

В данной статье проведено исследование правовой природы и юридической адекватности реальным материальным отношениям нормативного правила о применении судами исковой давности только по заявлению стороны в споре. Приводятся критические концептуальные взгляды автора относительно действительности данного правового механизма и соответствия его общецивилистическим принципам определенности содержания субъективного материального права, в частности, его темпорального измерения. Автор считает, что в связи с явным присутствием ряда проблем правоприменительного порядка, данную новеллу законодательства следует квалифицировать как такую, что не соответствует сущности опосредуемых отношений.

Ключевые слова: исковая давность, судебное применение исковой давности, пропуск давностного срока.

Постановка проблемы. К признакам, издавна характеризовавшим исковую давность, принято относить императивность данного правового института. Императивный характер норм института исковой давности традиционно считался его главным фактором. Это означало, что давностные сроки не только должны были применяться независимо от заявления об этом сторон в споре, но также и то, что любые изменения в длительности течения исковой давности по договоренности сторон не допускались. В основном императивный характер данного института и сейчас не вызывает сомнений: стороны лишены возможности ограничить сферу применения исковой давности, изменять порядок ее исчисления (ч. 2 ст. 260 ГКУ). Вместе с тем новое гражданское законодательство усилило значение диспозитивности при регулировании отношений, связанных с применением давности. Это, в частности, касается возможности договорного изменения продолжительности притязания. В новом законодательстве введено также правило¹, согласно которому исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до принятия решения по делу. Как видим, произошел отход от, казалось бы, незыблемых устоявшихся основ.

Проблематика, связанная с соотношением диспозитивных и императивных начал при применении норм института исковой давности, не является новой. Она в той или иной степени исследовалась такими учеными, как М.А. Гурвич, Б.В. Попов, А.К. Селезнев, Г.Ф. Деревянко, Б.Б. Черепакин, В.П. Грибанов, К.Ю. Лебедева, Т.М. Вахонева, С.В. Сарбаш, В.И. Цикало и другие. Тем не менее, следует признать, что до окончательного и единообразного решения еще далеко, ибо доминирующая на сегодня в науке теория постоянно наталкивается на сложности ее практического применения, а также вступает в серьезные противоречия с общецивилистическими доктринальными постулатами. Таким образом, вопрос остается весьма актуальным, и необходим более детальный анализ конкретной сущности отношений, складывающихся при применении судами исковой давности. Его проведение и составляет цель данного исследования.

В связи с изложенным предметом научного анализа в этой статье будет оценка воздействия установленного в законодательстве правила о применении судами исковой давности только по заявлению стороны в споре на период существования субъективного материального права на иск. На этой основе будет определено реальное содержание

искового притязания, в том числе и с темпоральной точки зрения.

Изложение основного материала. Переход от императивных к диспозитивным началам в данном вопросе состоялся в гражданском праве с учетом изменений современных доктринальных взглядов и существующего зарубежного законодательства. Впрочем точно так же, как сейчас, в научной литературе приводятся обоснования в пользу диспозитивных принципов при применении исковой давности, в свое время цивилисты предоставляли научные объяснения целесообразности императивных правил [1, с. 9–10]. Например, С.Н. Абрамов, отстаивая тезис об императивном характере исковой давности, отмечал, что поскольку этот институт введен, в частности, с целью достижения порядка, стабильности и определенности в личных и имущественных отношениях, то его применение не может зависеть от желания и усмотрения ответчика [2, с. 6]. Предлагаем читателям вместе исследовать вопрос о позитивах и недостатках комментируемого юридического механизма. По нашему мнению, оценки данного изменения далеко не однозначны, однако в последнее время они преимущественно носят негативный характер. Сначала рассмотрим, каким образом сейчас происходит применение давности к требованиям истца

¹ Собственного говоря, это правило уже существовало в нашем гражданском праве, хотя его доктринальная и нормативная подоплека были иными.

в случае пропуска искового срока, а затем анализируем целесообразность и эффективность действующей правовой конструкции.

Общепризнанным является тот факт, что право на обращение в суд о рассмотрении спора и вынесении соответствующего решения не ограничено исковой давностью [3, с. 141]. Такое правило закреплено в ч. 2 ст. 267 ГКУ и фактически характеризует тот факт, что право на иск в процессуальном смысле не давнится: лицу не может быть отказано в принятии искового заявления в связи с пропуском давностного срока. Обязанность принятия судом к рассмотрению заявления о защите гражданского права или интереса независимо от истечения исковой давности полностью согласуется с положениями гражданского закона о необходимости защиты права в случае уважительности причин ее пропуска. Однако примечательно, что указанное взаимодействие двух приведенных норм может быть нарушенным с учетом положения закона о применении давности только по заявлению стороны в споре о ее истечении (ч. 3 ст. 267 ГКУ). Поэтому в ситуации, когда пропуск истцом давностного срока является общеизвестным, при такой юридической конструкции вопрос об исковом требовании вообще может не возникнуть при рассмотрении дела судом.

Давайте более подробно рассмотрим комментируемый правовой инструментарий. Прежде всего, следует отметить несовершенство и неудобство самого юридического механизма. Речь идет о его влиянии на общетеоретическое обоснование правовой природы гражданских материальных сроков и их значение для осуществления субъективных прав и обязанностей. Гражданско-правовой срок – это промежуток времени, с наступлением или истечением которого происходят юридически значимые явления. При этом срок является элементом субъективного материального права человека, а его истечение, как и исчерпанность других характеристик последнего (по объему полномочий, способу поведения и т. д.) приводит к прекращению субъективного права. Об этом более подробно уже говорилось в наших предыдущих работах [4, с. 101–131; 5, с. 26–30; 6, с. 19–23]. Скажем, начало течения

исковой давности обеспечивает появление у лица охранного полномочия искового притязания, а окончание ее течения вместе с фактом непредъявления иска означает прекращение охранительного права на иск.

Новация действующего гражданского законодательства не только нивелировала значение исковой давности, как предела существования данного охранительного права, она поставила его в зависимость от реализации имеющегося у сторон процесса субъективного права на заявление об истечении исковой давности. Это право, как и право стороны в споре делать любые другие заявления, является процессуальным, поскольку оно не может быть реализовано вне процесса. Следовательно, существование материального полномочия на судебную защиту поставлено в зависимость от факта реализации или нереализации определенного процессуального полномочия. Иначе говоря, если процесс не начался, исковое притязание имеет неопределенный срок существования.

К примеру, лицо в течение тридцати лет не обращается с имеющимся требованием в суд. У него продолжает существовать материальное право на иск, поскольку его окончание связано с действием, которое может быть совершено только в ходе судебного рассмотрения спора. Так как истечение исковой давности само по себе не влияет на действительность притязания, а заявление о ее окончании можно сделать только в процессе, приходится считать материальное право на иск существующим в течение всего срока с момента его возникновения (правонарушения) до, как минимум, предъявления иска. Это означает, что исковая давность фактически не влияет на жизнеспособность притязания, в отношении которого существует лишь определенная вероятность признания его в будущем утраченным. Согласитесь, у правообладателя нет никаких оснований считать принадлежащее ему право на судебную защиту погашенным, хотя, с другой стороны, он в течение всего времени после окончания давностного срока не может быть уверенным в принадлежности ему права на иск. Ведь решение суда об утрате права на иск будет принято «задним числом». Такой подход вряд ли удовлетворит общественные

потребности в стабильности гражданских отношений, которые были положены в основу введения давностного института.

Как мы только что отмечали, процессуальное право на иск не подлежит действию исковой давности, тогда как абсолютно все доктринальные авторитеты убеждены в давнении материальных притязаний. Однако, в новых условиях комментируемая норма начинает толковаться, как правило, о бессрочности материального права на иск [7, с. 25]. Ведь именно так выглядит правило закона, в котором указывается на обязательность осуществления права, срок которого истек, если должник почему-то забыл или не смог сообщить кредитору и суду о факте утраты им действительности. Продолжительность реализации охранного полномочия уже не ограничивается нормативным сроком, так как совсем не исключено, что кредитор, предъявив иск вне давностного срока и не имея никаких уважительных причин для его восстановления, все же получит судебную защиту ввиду отсутствия заявления ответчика о применении исковой давности к заявленным требованиям. Фактически ответчик теперь наделен правом не только определять судьбу судебного спора по истечении давности, но и устанавливать конечный момент права на иск, который будет совпадать с моментом его заявления. В современных условиях, как видим, право на иск в материальном смысле не только не прекращается по истечении исковой давности, но и вообще может существовать вечно, поскольку соответствующего заявления не сделает сторона в споре.

Собственно, в правиле о судебном применении исковой давности только по заявлению стороны процесса некоторые исследователи видят проявление принципа диспозитивности. При этом ученые приводят следующие аргументы. Закон предоставляет заявлению ответчика об истечении давностного срока по предъявленным требованиям статуса любого другого факта, которым обосновываются требования истца и возражения против них: поскольку они не приводятся сторонами, данные обстоятельства не имеют значения для дела. Ведь суд вправе лишь оценивать предоставленные сторонами аргумен-

ты, а не собирать их [8, с. 111–115]. Поэтому, когда сторона, которая имеет возможность возражать против иска со ссылкой на давность, этого не делает, такой аргумент даже при его беспорочности теряется. Данная позиция обосновывается в научных публикациях, как диспозитивное правило о предоставлении доказательств сторонами, участвующими в рассмотрении спора [9, с. 96].

Однако с применением указанного принципа в данной ситуации согласиться нельзя. Потому что, во-первых, в данном случае речь идет не о сборе доказательств, а об их оценке. Ведь, как известно, любые другие обстоятельства дела, кроме фактов, удостоверяющих пропуск давности, даже если о них не заявляет сторона, могут быть выявлены юрисдикционным органом. Во-вторых, ссылки стороны на давность имеют принципиальное отличие от других доказательств, предоставляемых при разрешении спора. Для оценки течения исковой давности достаточно совокупности аргументов, позволяющих установить факты наличия правоотношения, его нарушения обязанным лицом и тому подобное. Итак, когда ответчик даже не ссылается на давность при отрицании исковых требований, из содержания предоставленных им и другой стороной доказательств можно точно установить, истекла исковая давность или нет. При рассмотрении дела суд должен тщательно исследовать предоставленные сторонами доказательства. Это означает, что юрисдикционный орган должен проанализировать их всесторонне и прийти к выводам, которые, возможно, не указывались в требованиях и возражениях сторон.

Из имеющихся в деле материалов, как правило, довольно легко сделать вывод о моменте возникновения у истца права на иск. В основном данный момент совпадает со временем правонарушения (особенно это касается договорных отношений), а факт нарушения гражданского права является тем обстоятельством, что подлежит обязательному выяснению при рассмотрении спора, иначе просто невозможна юрисдикционная защита. Следовательно, суд, установив время начала течения, а следовательно, и момент истечения исковой давности, не имеет тем не менее возможности применить его

последствия без соответствующего заявления стороны в споре. Как мы уже неоднократно отмечали, срок является существенной составляющей содержания материального права, существование данного права за его пределами невозможно. Итак, если из материалов дела со всей очевидностью следует, что срок давности на момент предъявления иска истек, то кажется нелогичным лишение судебного органа права предоставить юридическую оценку установленному им факту.

Итак, тезис, согласно которому применение исковой давности только по заявлению стороны спора является проявлением общегражданских цивилистических принципов диспозитивности и осуществления гражданских прав своей волей и в своем интересе, выглядит весьма неубедительно. Ведь диспозитивность, как один из главных принципов – это возможность лиц, участвующих в деле, с активной помощью суда распоряжаться правами [10, с. 45; 11, с. 275], а не единолично устанавливать их пределы. Многие исследователи вопроса выступали против расширительного толкования диспозитивности в гражданском процессе. Так, П.Ф. Елисейкин сводит ее к праву заинтересованной стороны при рассмотрении спора добиваться защиты или отказаться от него, и праву выбора формы защиты в установленных законом пределах [12, с. 90]. М.А. Гурвич также определял понятие диспозитивности в гражданском процессуальном праве, как одно из положений, по которым возникновение, развитие и окончание процесса происходит по требованиям и заявлениям сторон и других участников судебного разбирательства с целью защиты прав и интересов как сторон, так и государства, и общества в целом [13, с. 29–30]. Диспозитивность является основополагающей идеей, что воплощает свободу заинтересованного субъекта определять формы и способы защиты нарушенного права, предмет судебного разбирательства и судьбу предмета спора и процесса в различных правоприменительных циклах [14, с. 94].

На самом деле заявление или не заявление ответчиком об истечении давности отнюдь не выглядит как осуществление права. Г. Гордиенко справедливо указывает, что ссылка на

исковую давность не является доказательством по делу, тогда как диспозитивность в процессе предусматривает исключительное право участника ссылаться именно на доказательства, в том числе и имеющие значение для применения исковой давности [15, с. 50]. Следует также упомянуть мнение по этому поводу Г.П. Тимченко, который справедливо указывает, что в гражданском судопроизводстве и науке закрепился взгляд, согласно которому принцип диспозитивности, будучи одним из безусловных и незыблемых основ гражданского процесса, как и любой другой принцип права, имеет свои пределы, и только в них может считаться нарушенным. Он дает следующее содержание принципу диспозитивности в процессе. Это, прежде всего, право заинтересованного лица на иск, и тем самым – возбуждение гражданского дела. Вторым компонентом является право истца определять предмет иска и размер исковых требований. Третьим выступает право сторон распоряжаться своими требованиями непосредственно в ходе рассмотрения спора, то есть объектом процесса. Оно выражается в таких их правомочиях, как отказ от иска, признание иска и заключения сторонами мирового соглашения. Также в группу прав сторон, принадлежащих к сфере действия принципа диспозитивности, входят их права обжаловать принятое судебное решение полностью или частично [16, с. 155].

Как видим, в ч. 3 ст. 267 ГКУ речь идет не о диспозитивности, а о необходимости предъявления определенного заявления, сам формальный факт существования которого влияет на объем полномочий лица по защите в судебном порядке. И уже первые проблемы данное правило о применении последствий истечения давности встречает при отсутствии в судебном заседании одного или обоих участников. Как учитывать их волю, когда они ее не проявили? К примеру, в приказном производстве, когда закон предусматривает рассмотрение спора вообще без участия ответчика.

Комментируемое нормативное правило, кроме того, что не соответствует юридической природе регулируемых отношений, имеет еще и тот недостаток, что оно не согласуется с другими правилами, прописанными в Граждан-

ском кодексе Украины. Показательна ситуация с прекращением взаимных однородных требований путем их зачета. Как указывает ст. 602 ГКУ, такой зачет невозможен, если в отношении одного или обоих требований истек давностный срок. Вместе с тем в цивилистике и судебной практике распространены случаи, когда требования по встречному иску направлены на зачет первичного требования. Поэтому вполне очевидно, что фактически один и тот же результат может достигаться в судебном и несудебном порядке с применением механизма, предусмотренного статьей 601 ГКУ. С этой точки зрения встречный иск, как одностороннее волеизъявление, органично согласуется с гражданско-правовой природой зачета, для которого достаточно заявления одной стороны [17, с. 161].

Однако, несмотря на очевидную схожесть процессов, они содержат существенное отличие. Учитывая невозможность самостоятельного применения юрисдикционным органом исковой давности, судебное решение об удовлетворении встречных требований может быть законным и по просроченным требованиям, то есть, по тем, по которым истек давностный срок, если стороны об этом не сделают соответствующего заявления, тогда как при внесудебном решении вопроса подобный зачет невозможен. Иначе говоря, получаем ситуацию, когда суду вполне очевидно, что встречные обязательства существуют, право истца на защиту не прекратилось (поскольку заявление об истечении давности сторонами не представлена), но законодательство говорит о невозможности такого зачета. Должен ли суд при рассмотрении спора учитывать материально-правовые ограничения для зачета, установленные гражданскими нормами? По нашему мнению, да. Фактически это будет означать самостоятельное применение судом исковой давности в случае, если стороны об этом не заявят, что прямо запрещено законом. Таким образом, получаем еще одну коллизию.

Впрочем, несмотря даже на очевидные недостатки чисто теоретического плана, комментируемая правовая конструкция избобилует чисто практическими неудобствами. Это вызвало поиск новых более привлекательных юридических построений. Мы не мо-

жем согласиться с точкой зрения, что нежелание ответчика возражать против иска со ссылкой на истечение исковой давности приравнивается к прямому заявлению его об этом суду. Причины отсутствия ссылки на давность могут быть разными: от недостаточности квалификации до нявки на заседание. Поэтому предлагается правовой механизм, который ввел бы следующее правило: вместо того, чтобы ставить существование права на судебную защиту в зависимость от возможного будущего волеизъявления стороны в споре, ответчику может быть предоставлено другое процессуальное право – сделать заявление об отказе о применении давности. Следовательно, такое заявление могло бы служить еще одним (наряду с признанием судом уважительности пропуска срока) основанием для восстановления давностного срока, а точнее говоря, для защиты нарушенного материального права вне существования искового притязания [18, с. 80]. Следует отметить, что подобное право ответчика предусмотрено, например, в ст. 2220 Кодекса Наполеона. Другой вариант – предоставление должнику, закрепив это в законе, дополнительного права на продление исковой давности в течение ее течения путем направления письменного заявления кредитору, как это, например, предусмотрено в п. 2 ст. 22 Конвенции об исковой давности в международной купле-продаже [19].

Выводы. Учитывая изложенное, можно сделать следующие выводы. В Украине сейчас действует закон, по которому суд не вправе отказать в иске истцу, который пропустил исковую давность, если ответчик в течение процесса до вынесения решения по существу не сделает соответствующего заявления. Мы выступаем против такого подхода, так как считаем, что он не основывается на реальной сущности взаимоотношений, которые имеют место на самом деле, более того, он искажает одно из основополагающих понятий цивилистики, касающегося субъективного материального права и его содержания.

Следует отметить, что новейшее гражданское законодательство, предоставляя обязанному лицу право на возражение против иска со ссылкой на пропуск давностного срока и определяя факт реализации данного права,

как основание для судебного применения исковой давности, нарушает доктринальные положения о сущности содержания материального права, в частности, в отношении его темпоральных критериев, и в определенной степени нивелирует те публично-правовые факторы, которые были положены в основу введения данного института: обеспечение определенности и упорядоченности частноправовых отношений, повышение дисциплины их участников. Учитывая сказанное, а также явное присутствие ряда проблем правоприменительного порядка, связанного с введением указанной законодательной новеллы, ее следует квалифицировать как такую, что не соответствует сущности опосредуемых отношений.

Список использованной литературы:

1. Селезнев А.К. Исковая давность в хозяйственных взаимоотношениях социалистических организаций / А.К. Селезнев – М.: Юрид. лит., 1977. – 104 с.
2. Абрамов С.Н. Исковая давность / С.Н. Абрамов; под ред. И.Т. Голякова. – 2-е изд., перераб. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – 24 с.
3. Масевич М.Г. Исковая давность / Хозяйство и право. – 1993. – № 9. – С. 133–144.
4. Гуйван П.Д. Теоретичні питання строків у приватному праві: монографія. – Харків: Право, 2014. – 632 с.
5. Гуйван П.Д. Правовая природа гражданско-правовых сроков // LEGEA SI VIATA. – 2015. № 6/2 (282). – С. 26–30.
6. Гуйван П.Д. Строк суб'єктивного матеріального права, як характеристика його змісту // Підприємництво, господарство і право. – 2014. – № 8. – С. 19–23.
7. Кириллова М.Я. Сроки в гражданском праве. Исковая давность / М.Я. Кириллова, П.В. Крашенинников – М.: Статут, 2006. – 48 с.
8. Кравчук В.М. Науково-практичний коментар Цивільного процесуального кодексу України / В.М. Кравчук, О.І. Угриновська – К.: Істина, 2006. – 944 с.
9. Цікало В.І. Імперативність та диспозитивність при застосуванні

правових наслідків закінчення строку позовної давності / В.І. Цікало // Право України. – 2001. – № 11. – С. 95–97.

10. Гражданский процесс // Учебник. Под ред. К.С. Юдельсона – М.: Юрид. лит., 1972. – 439 с.

11. Шутенко О.В. Развитие принципа диспозитивности в истории отечественного судопроизводства // Вісник університету внутрішніх справ. – Харків. – 1999. – Вип. 6. – С. 274–277.

12. Елисейкин П.Ф. Предмет и принципы советского гражданского процессуального права // Учебное пособие. – Ярославль, 1974. – 107 с.

13. Советский гражданский процесс / Под ред. М.А. Гурвича. – М: Высшая школа, 1975. – 399 с.

14. Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. – М. НОРМА, 2002. – 352 с.

15. Гордієнко Г. Процесуальні аспекти застосування позовної давності судами загальної юрисдикції / Г. Гордієнко // Підприємство, господарство і право. – 2005. – № 12. – С. 50–53.

16. Тимченко Г.П. Историко-правові аспекти принципу диспозитивності у цивільному праві // Вісник господарського судочинства. – 2003. – № 2. – С. 150–155.

17. Абушенко Д.Б. Встречный иск: вопросы материального и процессуального права / Д.Б. Абушенко // Проблемы защиты прав и законных интересов граждан и организаций: материалы международной научно-практической конференции. Краснодар–Сочи, 23–26 мая 2002 г. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. – С. 160–165.

18. Вахонєва Т.М. Деякі питання дії та застосування позовної давності в Україні / Т.М. Вахонєва // Підприємство, господарство і право. – 2005. – № 2. – С. 80–83.

19. Конвенція ООН про позовну давність у міжнародній купівлі–продажу товарів 1974 року // Зібрання чинних міжнародних договорів України. – 2004. – № 4. – Кн. 1. – 520 с. – Ст. 872.

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ

Михаил ДЯЧКИН,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

Summary

The article deals with issues of criminal liability for mass unrest and their delimitation from related offenses under legislation of Ukraine, Kazakhstan and Moldova. There is a comparative analysis of criminal-legal rules of those countries, which establish liability for mass unrest and related crimes. The author makes proposals to improve criminal legislation of Ukraine in this area. The author has proved that main direct object of crime of mass unrest is public safety and public order, security of person, his/her life and health, property and other values are optional ones. He has offered to exclude art. 293 of Criminal Code, and in part 2 of art. 294 – to replace word «people» with word «man».

Key words: mass unrest, group violation of public order, hooliganism, public safety, public order.

Аннотация

В статье исследуются вопросы уголовной ответственности за массовые беспорядки и их разграничение от смежных составов преступлений за законодательством Украины, Казахстана и Молдовы, проводится сравнительный анализ уголовно-правовых норм указанных государств, которыми предусматривается ответственность за массовые беспорядки и смежные преступления, вносятся предложения об усовершенствовании в этой части уголовного законодательства Украины. Обосновывается, что основным непосредственным объектом массовых беспорядков является общественная безопасность, а общественный порядок, неприкосновенность лица, его жизнь и здоровье, собственность и другие ценности – дополнительными. Предлагается ст. 293 УК исключить, а в ч. 2 ст. 294 слово «людей» заменить словом «человека».

Ключевые слова: массовые беспорядки, групповое нарушение общественно-го порядка, хулиганство, общественная безопасность, общественный порядок.

Постановка проблемы. Массовые беспорядки являются одним из наиболее опасных видов преступления, которое посягает на несколько объектов уголовно-правовой охраны и влечет особо тяжкие последствия для них. Безупречность норм закона, устанавливающих ответственность за массовые беспорядки и правильное их применение, являются важными составляющими противодействия им.

Массовые беспорядки, как совокупность юридических признаков состава преступления, в уголовных кодексах Украины, Казахстана и Молдовы, а также как явления реальной действительности являются предметом исследования в статье.

В исследовании применялись: диалектический, формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой и другие. Использовались действующее и прошлых лет уголовное законодательство Украины, Казахстана и

Молдовы, научные труды ученых этих государств, в которых рассматриваются вопросы, имеющие значение для исследования.

Существование демократического государства неотъемлемо связано с волеизъявлением народа в вопросах развития государства и общества, методов осуществления управления и др. В случаях возникновения противоречий между властью и обществом волеизъявление может выражаться в проведении собраний, митингов, демонстраций и иных мирных формах. Но бывает, что волеизъявление людей приобретает жесткие формы протеста, в том числе и в виде массовых беспорядков, сопровождающихся насилием, погромами, поджогами, вооруженным сопротивлением представителям власти и иными общественно опасными проявлениями. Они могут быть вызваны решениями органов власти либо действиями (бездействием) отдельных их представителей. В новейшей истории Украины,